

философии. С другой стороны, общехристианская идея активного в своей деятельности человека, которая, безусловно, присутствует в русской философии, позволяет утверждать, что в целом философская мысль в России формировалась как органическая часть европейской философии.

3.4. Мушинский Н.И. Сергей Радонежский как выразитель объединительных тенденций: духовный фактор справедливости.

Проблема справедливости приобретает важное значение в условиях обострения техногенного кризиса современности. Человечество вынуждено объединять усилия для решения техногенных проблем, таких как глобальное потепление климата, истощение природных ресурсов, рост международной напряжённости и т.п., преодолевая рудименты «блокового мышления», сложившегося в годы «холодной войны», переосмысливая в общечеловеческом ракурсе базовые критерии справедливости. События на Украине 2014 года, в других «горячих точках» планеты, показывают, что всё ещё сильны тенденции взаимной конфронтации, когда справедливость трактуется в духе бинарных оппозиций «свой - чужой», подпадает под влияние «двойных стандартов» и сиюминутных геополитических интересов. Однако остаётся надеяться, что разум всё же возобладает, объединительная тенденция рано или поздно выйдет на первый план, человечество сможет выработать универсальный критерий справедливости как основу для взаимовыгодного сотрудничества. Иначе оно не сумеет дать адекватный ответ на дальнейшие вызовы и угрозы технократического существования, уничтожит само себя по мере дальнейшего углубления техногенного кризиса.

В подобном контексте особое значение приобретают положительные примеры истории; в частности, - та объединительная функция, которую выполнила русская православная церковь, и её яркий представитель Сергей Радонежский, в эпоху преодоления феодальной раздробленности на Руси и борьбы с татаро-монгольским игом. В 14 в. удельные князья тоже трактовали справедливость каждый в свою пользу, враждовали друг с другом. В результате они оказались легко завоёваны степными кочевниками татаро-монголами, и только

постепенно, по мере собирания русских земель вокруг Москвы, смогли ощутить себя единым целым, при поддержке православной церкви обрести подлинное чувство справедливости, сбросить ненавистное иго.

Следует отметить, что в конкретных исторических условиях принцип справедливости далеко не всегда выражается в объединительных социокультурных тенденциях, для этого необходимо наличие некой общественно значимой цели (например, обеспечение оросительного земледелия в государствах Древнего Востока; победа в военном противостоянии для крупных имперских образований поздней античности, средневековья и Нового времени; совместное решение техногенных проблем для современной глобальной цивилизации). Однако существуют общества и исторические периоды, для которых более справедливыми являются тенденции децентрализации; в частности, в мирное время и в неблагоприятных природных условиях особую ценность приобретают научно-технические инновации, появлению которых способствуют личная инициатива, свободное творчество, экономическая конкуренция (западноевропейский тип развития). Индивидуалистический дискурс справедливости реализовался в древнегреческих полисных демократиях и республиканском Риме; соседской общине, натуральном хозяйстве, рыцарских сословных привилегиях раннего средневековья; ренессансных городских коммунах с их суверенитетом и магдебургским правом; рыночных отношениях на основе частного предпринимательства эпохи промышленного переворота Нового времени. Он вполне эффективно движет научно-технический прогресс до тех пор, пока общество не сталкивается с какими-либо новыми общезначимыми вызовами и угрозами; тогда оно вынуждено ограничивать личностный сепаратизм, радикально меняет критерии справедливости (например, неудачи российской царской власти в период Первой мировой войны положили конец попыткам демократических преобразований, начавшихся с отмены крепостного права; привели к установлению авторитарного сталинского режима, сумевшего более эффективно мобилизовать государственные ресурсы и одержать верх в новом противостоянии с Германией).

Восточно-славянские народы раннего средневековья при переходе к земледелию тоже первоначально развивались по западному пути; в этом смысле древнерусские князья, былинные богатыри и новгородское вече ничем не отличаются от английских баронов эпохи «Великой хартии вольностей» и немецких городов Ганзейского союза. Однако географически низовья великих русских рек (Волги, Дона, Днепра) расположены на границе лесной и степной полосы, поэтому оседлое земледельческое сообщество очень рано начинает испытывать угрозу со стороны скотоводов-кочевников, сплочённых, агрессивных и мобильных в военном отношении (хазар, половцев, печенегов; с появлением татаро-монголов эта опасность приобретает катастрофический характер). Западная Европа в силу своего географического положения не подвергалась такого рода ежегодным грабительским набегам, поэтому продолжала самодостаточно развиваться в направлении индивидуализма и технического прогресса. Для Руси же в эпоху Куликовской битвы объединение становится вопросом выживания; это очень остро чувствует православная церковь и Сергей Радонежский, соответствующим образом переосмысливая критерии справедливости.

Примечательно, что даже когда Дмитрию Донскому удаётся хотя бы временно объединить удельных князей, не он нападает на татар, а они на него; битва происходит на рубеже «Дикого поля» (между реками Доном и Непрядвой), но по сути Русь наносит превентивный удар. Татары уже готовы к нападению, вопрос стоит настолько остро, что Дмитрий Донской даже не имеет времени пообедать, когда приходит за благословением к Сергию Радонежскому: «По отпусте литургии просил отец Сергей князя Дмитрия, жебы отобедал у нихъ. Князь отмовлялся, бо пришла ведомость, ижь поганьи уже зближаются... И... преподобный Сергей покропил князя и все его воинство и дал великому князю крест Христов – знамение на челе» [1, С. 212 - 213]. Очевидно, что в ходе разного рода военных конфликтов нравственная позиция защищающихся более предпочтительна, чем нападающей стороны; оборонительные войны более справедливы, чем захватнические. Это вполне осознаёт русская православная церковь, в лице Сергия Радонежского оказывая поддержку князю Дмитрию.

Между тем, многие удельные князья продолжают существовать в традиционном западноевропейском поле справедливости. Для них важнее всего личностный суверенитет и узкая политическая выгода, они в любой момент готовы примкнуть к сильной стороне (чтобы потом с такой же лёгкостью от неё отложиться). При этом они не делают национальных и моральных различий в выборе союзников, считают это вполне справедливым: не важно, кто это – татарин Мамай, литовец Ягайло, другие русские князья; ценность имеет только сильная личность правителя и возможность совместно с ним причинить вред своим соперникам. В частности, Олег Рязанский долго враждовал с Москвой, нарушал договоры, вступал в антимосковские союзы с Ольгердом, с Тверью, с татарами. Древнерусская летопись непосредственно подчёркивает его инициативу в организации очередного татарского набега на Русь, пишет «о змове злой князя резанского Олега зь князем литовским Олгердом на князя московского Дмитрия и о посолствах их до царя татарского Мамаея» [1, С. 209]. Однако влияние православной церкви и нравственный авторитет Сергия Радонежского, чётко определивших свою позицию в контексте нового объединительного понимания справедливости, заставляют князя Олега довольно быстро переосмыслить свои моральные приоритеты. В период Куликовской битвы он вместе с белорусско-литовскими князьями Ольгердом и, позднее, Ягайло, оставался сторонником Мамаея; однако ни тот, ни другой так и не вступили в сражение (их вмешательство вполне могло склонить успех в пользу татар, поскольку русская победа была одержана с минимальным преимуществом и с большими потерями). «Олег... не решился присоединиться к полчищам Мамаея только потому, что Московский князь получил от Преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем» [2, С. 185]. Олег всё ещё колеблется в понимании справедливости, поэтому православная церковь оказывает ему деятельную помощь в определении правой стороны. После Куликовской битвы и Олег, и Ягайло вполне были готовы воспользоваться критическим состоянием войска Дмитрия Донского и навязать ему новое сражение (к чему приводят подобные повторные столкновения хорошо показывает пример Британии, когда в 1066 г. англо-саксонский король Гаральд в битве при Стэмфордбридже нанёс поражение зятю Ярослава Мудрого

норвежскому королю Гаральду, а через две недели был вынужден на другом конце страны при Гастингсе противостоять нормандскому герцогу Вильгельму Завоевателю, был разбит и погиб в сражении). Пометки на полях пергаментной рукописи от 1380 г. из библиотеки Троицкой Лавры свидетельствуют, что Симоновский настоятель, будущий святитель Ростовский св. Феодор, племянник и ученик Сергия Радонежского, приехал после обедни в Троицкую обитель и срочно переговорил с ним, после чего они послали келаря в Рязань с поручением [2, С. 176]. Дмитрий Донской стоял в это время в Коломне со своим победоносным, но ослабленным после битвы войском; в Москве оставались его жена и митрополит Киприан, ещё совсем недавно вступивший в свою должность и мало известный на Руси. Узнав о движении литовско-белорусского войска князя Ягайло (угроза была столь велика, что даже случайный скрип телег в ночи поверг всех в трепет – «Литва грядут»), Киприан попытался разделить его с союзником Олегом Рязанским, незамедлительно направил для этого к Сергию своего друга и его племянника Феодора. «И вот Преподобный Сергей тотчас же посылает в Рязань своего келаря. И не напрасно... : летопись говорит о раскаянии Олега... Очевидно, Олег боялся не Донского, а того впечатления, которое произвел келарь Сергиев в Рязани. Так вот кому обязана Русь своим спасением и после знаменитой Куликовской битвы, когда ее враги зорко следили за ней, готовые воспользоваться ее ослаблением от великого боя с Мамаем» [2, С. 177]. Впоследствии через пять лет смиренный старец Сергей Радонежский сам лично пешком отправился в Рязань, где долго увещевал князя Олега обратиться к подлинной справедливости, после чего тот согласился заключить с Москвой вечный мир и закрепить его династическим браком: женил своего сына Феодора на дочери Дмитрия Донского княжне Софии.

Что касается населения Беларуси, то здесь положение тоже было далеко не однозначно: хотя и Ольгерд, и Ягайло неоднократно враждовали с Москвой, но точно так же они конфликтовали и со своими соотечественниками, с князьями Кейстутом, Витовтом, Свидригайло и др. Во всяком случае, в Куликовской битве выходцы с территории Беларуси не только тяготели к Мамаю, но и присутствовали в войске Дмитрия Донского, приняли самое деятельное участие в сражении, засадный полк нанёс решающий

удар по татарам. Древнерусский эпос поэтически восклицает: «О... вот бы ты, соловей, славу спел великому князю Дмитрию Ивановичу, ... и двум братьям Ольгердовичам из земли Литовской – Андрею и Дмитрию, да и Дмитрию Волынскому! Ведь эти-то сыны Литвы храбрые, кречеты в ратное время! Полководцы они славные, ... с конца копья вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле» [3, С. 385]. Об этом же несколько более строгим и сдержанным языком сообщают летописные источники, особо подчёркивая принадлежность белорусских князей к православной конфессии с её универсалистским пониманием справедливости, нравственно стоящим выше удельных княжеских усобиц: «В той же чась сыны Олгердовы: Андрей, князь полоцкий, и Димитрей, князь бранский, будучи окрещены в православную веру, з войском стройным зараз на Дон пришли» [1, С. 215 - 216]. Показательно, что те выходцы из Беларуси, которые сохранили приверженность православию, трактуют справедливость в общерусском ключе и занимают соответствующую сторону в Куликовской битве, в то время, как язычники-литовцы руководствуются сиюминутным политическим интересом, признают только право сильного (татарского хана). Они выступают на стороне Мамаю, а ощутив сомнения в его преимуществе, вообще устраниются, не приходят на поле сражения; какая-либо справедливость их вовсе не интересует. Совершенно иная жизненная позиция у Сергия Радонежского, постоянно занятого духовными поисками справедливости, совершенно пренебрегающего материальным благополучием. Многочисленные примеры из его личной жизни свидетельствуют о большой скромности и полном отсутствии стремления властвовать над другими людьми. Даже Троицкую обитель, им же основанную, он согласился возглавить в 1354 г. только по особому повелению Афанасия из Переяславля-Залесского, епископа Волынского, замещавшего святого митрополита Алексия, уехавшего в Константинополь. «По глубокому смирению преподобный Сергий не хотел принять ни игуменского, ни пресвитерского сана. Он управлял только посредством примера своей жизни... Он строил кельи, рубил дрова, молот жерновом рожь, варил пищу... Но братия чувствовала нужду в игумене-наставнике и неотступно умоляла Сергия... Так преподобный Сергий против желания принял посвящение в сан пресвитера и игумена» [4, С. 164 - 165]. При этом

он сохранил скромность в своём повседневном быту, разительно отличаясь этим от блистающих роскошью светских владык, и даже многих церковных сановников (особенно католических в Западной Европе). «Между тем... преподобный Сергей Радонежский продолжал свои иноческие подвиги... Первым... был подвиг воздержания... Сделавшись иноком, он часто по нескольку дней пребывал без пищи... Другой подвиг... состоял в смирении и нестяжательности... Он носил одежду... самую ветхую, со множеством заплат, сделанных собственными его руками... и не снимал ее до тех пор, пока она не распалась» [4, С. 167]. Подобное пренебрежение к материальному благополучию позволило ему полностью сконцентрироваться на размышлениях о сущности и критериях справедливости, неизмеримо подняло уважение к нему среди самых разных слоёв древнерусского общества.

Сергию Радонежскому удавалось разобраться в сложном клубке интриг и удельной вражды, к его мнению как выражению подлинной справедливости прислушивались не только Олег Рязанский, но и другие князья. «Известен еще один случай, когда... в 1365 г. возникла ссора между князьями суздальскими, братьями Дмитрием и Борисом Константиновичами из-за обладания... Нижним Новгородом. Нижний захватил младший брат Борис, зять Ольгерда, враждебно настроенный против Москвы..., поддержанный и епископом суздальским. Тогда митрополит... ко князю Борису отправил препод. Сергия Радонежского с приглашением явиться в Москву для разбирательства... Сергей был уполномочен наложить на Нижний интердикт; он затворил в нем все церкви» [5, С. 312 - 313]. Старший брат Дмитрий, до того враждовавший с московским князем за великокняжеский престол, в сложившихся условиях был вынужден обратиться к нему за помощью. При посредничестве Сергия Радонежского ситуация была решена в пользу Москвы, распространившей тем самым своё влияние на суздальские земли и Нижний Новгород, получившей в лице старшего суздальского князя нового сторонника. В 1366 г. суздальский князь выдал свою дочь княжну Евдокию за московского князя Дмитрия (в будущем - Донского). Предыстория этих событий тоже весьма показательна: «Смутное, тревожное было то время. Читая летописные сказания, то и дело встречаешь известия, что такой-то князь поехал в Орду добывать себе титул

великокняжеский, другой разорил... удел соседа, третий подговорил... татар идти ратью на Москву... Кровь лилась... , и только мудрое, властное слово... таких великих подвижников, как Преподобный Сергей, удерживало князей» [2, С. 182]. В 1359 г. умер отец Дмитрия Донского Великий князь Иоанн Иоаннович, а самому ему было только девять лет. Пользуясь его малолетством, суздальский князь Дмитрий Константинович добыл в Орде для себя великокняжеский ярлык, и митрополит Алексей был вынужден благословить его во Владимирском соборе. Однако будучи воспитателем малолетнего московского князя Дмитрия Иоанновича (будущего Донского), святитель Алексей не согласился перенести престол митрополита из Москвы во Владимир. Он впоследствии убедил молодого князя самому отправиться в Орду, чтобы вернуть великокняжеский ярлык. Дошло до открытых столкновений между Москвой и Суздалем, московский князь одержал верх, но проявил великодушие, позволил побеждённому суздальскому князю сохранить свой удел. Тем временем умер хан Мурат, и сын суздальского князя Василий Дмитриевич опять выторговал для отца великокняжеский ярлык, от которого тот добровольно отказался; покорённый в Москве благородством Дмитрия (Донского) и благодаря влиянию митрополита Алексея и Сергия Радонежского, посчитал более справедливым уступить высшее правление московскому князю. Он не ошибся в своём выборе: в 1365 г. Москва и Сергей Радонежский выступили гарантом справедливости, когда брат суздальского князя Борис Константинович, как сказано выше, отнял у него Нижний Новгород, в очередной раз воспользовавшись расположением татарского хана. При этом для обеспечения справедливости Сергей Радонежский был вынужден пойти на крайние меры: по данной от митрополита власти он прекратил богослужения в нижегородских храмах [2, С. 184; 4, С. 171]; только после этого Борис был вынужден вернуть брату его владения. Следует признать, что добровольно отказавшись в пользу Москвы от великокняжеской власти, суздальский князь Дмитрий под влиянием Сергия Радонежского явил новое, более прогрессивное понимание справедливости, сумел подняться над личным интересом в пользу развития общерусской государственности, способной эффективно противостоять нашествиям степных кочевников.

Ещё один аналогичный пример – это отношение Москвы с Тверью. Между этими княжествами после упадка Киевской Руси развернулась борьба за первенство, которая нашла отголоски и в более поздний период (показательно, что через сто лет после Куликовской битвы именно тверской купец Афанасий Никитин совершил «хождение за три моря» в Индию; даже в наши дни некоторые известные российские политики выводят свою родословную «из крестьян тверской губернии»). В 1371 г. тверской князь Михаил Александрович, на сестре которого был женат литовско-белорусский князь Ольгерд (вместе с ним они неоднократно разоряли московские земли), тоже хлопотал в Орде за великокняжеский ярлык. В результате в этот год московский князь Дмитрий был вынужден лично ехать в Орду для подтверждения своей власти; эти препирательства и интриги могли продолжаться бесконечно на выгоду татарам, бравшим подношения от всех претендентов. Православная церковь сочла необходимым активно вмешаться: «Думают, что умиротворению Тверского князя с Московским содействовал своим благодатным словом игумен Радонежский» [2, С. 184]. Именно его духовно-нравственное влияние заставило правителей Твери признать более справедливым отдать первенство в пользу Москвы.

Таким образом, имеет место становление нового подхода к проблеме справедливости, которая подымается выше удельнокняжеских интересов, обнаруживает общерусское содержание под эгидой православия в лице Сергия Радонежского. Собственно, эта презумпция проявилась уже в позиции Олега Рязанского накануне Куликовской битвы. Летопись рассказывает об этом непосредственно: «Сказали ему (Олегу – Н.М.) бояре его, ижь... Сергей... вооружил его (Дмитрия Донского – Н.М.) и дал ему на помощь двох калугеров своих (Пересвет и Ослябя – Н.М.)... Рекл им Олег: «... Беда мне! ... до Мамая приставши, буду гонитель на веру православную... Молитва прозорливого Сергия князю Димитрию поможет» [1, С. 215]. Из сказанного очевидно, что последовательная и бескомпромиссная уверенность Сергия Радонежского оказывает религиозно-нравственное влияние на русских князей эпохи феодальной раздробленности. Олега приводит в смущение, что Сергей не только морально поддержал Дмитрия Донского, благословил его на открытое вооружённое

столкновение с татарами, от которых до этого разрозненные русские силы видели одни только поражения, но и сам заочно принял участие в Куликовской битве, послав туда двух своих наиболее опытных воинов (Пересвет и Ослябя). Их роль в будущей победе и героическую гибель, христианскую жертвенность особо подчёркивает летопись; в частности, это касается монаха Пересвета, в начале сражения вступившего в поединок перед лицом двух армий с татарским богатырём, подобно Давиду с Голиафом: «Затым выехал татарин, на имя Челебей... Того обачивши чернецъ Сергиевъ Пересвет... ударилися. Ободва, з коней попадавши, померли» [1, С. 215]. Откуда у Сергия Радонежского такая уверенность в будущей победе, если до этого разрозненные удельные князья всегда проигрывали сплочённым кочевникам татарам открытые военные столкновения? Суеверный Олег Рязанский подозревает пророческий дар у «прозорливого» Сергия; деятельную силу его молитвенного служения. В любом случае, он вполне ощущает всю несправедливость того образа гонителя православной веры в общерусском масштабе, к которому его привела вражда с московским князем, поэтому предпочитает воздержаться от участия в Куликовской битве.

Это совершенно новое понимание справедливости, радикально отличающееся от эпохи удельного сепаратизма, когда именно завоеватели-татары парадоксальным образом выступали в качестве «третьей стороны», гаранта «справедливости», чем беззастенчиво злоупотребляли в свою пользу, и сами, за взятки и поборы осуществляя несправедливый суд, и в лице удельных древнерусских князей, побуждая их следить друг за другом и из стремления к сиюминутной выгоде доносить о любой попытке объединиться и дать отпор захватчикам. Собственно, сама инициатива нового татарского нашествия на Русь, как уже говорилось, принадлежала тому же Олегу Рязанскому, ставящему личную обиду выше общенациональных интересов. Летопись дословно воспроизводит послание Олега к Мамаю: «И я великую обиду маю от... князя Дмитрия. И гды ему за свою обиду твоим царским именем погрозишем, он того не дбает, и город Коломну за себе заграбил. Потом, царю, молю тя: дай мне управу» [1, С. 210]. Таким образом, Олег видит в татарах реальную военную и судебную силу, гарантирующую справедливость в её материальном

выражении. Из подобной приземлённой узко-материальной трактовки следует, что в обращении к этой силе вполне допустим элемент лукавства: можно представить стремление Москвы к собиранию общерусских земель для отпора иноземному владычеству как обыкновенную жадность московского князя, его стремление к нечестному грабежу чужих владений; спровоцировать татарского хана словами, что московский князь его лично «не уважает», не считается с его решениями и т.п. Московский князь Дмитрий, в свою очередь, обращается не за материальной, а за моральной справедливостью, не к татарскому хану, а к русской православной церкви, к Сергию Радонежскому и митрополиту Киприану. Никакой военной силой они не располагают, но имеют интеллектуальный ресурс и моральный авторитет; способны понять, на чьей стороне подлинная историческая справедливость, когда Дмитрий Донской говорит, что никого ничем не обидел, дань татарам полностью выплатил, а между тем его недоброжелатели сговорились и готовят Руси новое нашествие и разорение, не оставляют других средств, кроме как попытаться дать им военный отпор. «Отповедил ему митрополит: «Даремная и несправедливая, ижь есть не тебя змова... , не фрасуяся. На бога в своей невинности надеяся» [1, С. 211]. Следует понимать всю рискованность и безнадёжность военного решения проблемы; это последнее крайнее средство, более двух веков феодальная раздробленная Русь не видела от татар ничего, кроме сокрушительных поражений. Скорее всего, московский князь Дмитрий мог ожидать того же самого и в этот раз; здравый смысл подсказывает не рисковать, укрыться от нашествия, бросив свой народ на разорение, а потом попытаться умиловить татарского хана дорогими подарками, сохранить свою власть и т.п.. Но для Дмитрия важнее не политическая целесообразность и не собственное благополучие, а высшая справедливость. В этом его нравственно поддерживают православная церковь, митрополит Киприан и Сергей Радонежский: «Того ж часу пришло писание от преподобного Сергия... Дал тежь посланецъ великому князю хлеб Пресвятыя Богородицы от игумена Сергия» [1, С. 219]. В лице Олега Рязанского, ищущего меркантильной сиюминутной справедливости у Мамай, и Дмитрия Донского, отринувшего страх и обратившегося к Богу за высшей общечеловеческой справедливостью, обнаружилась

фундаментальная духовно-нравственная проблема. И большинство древнерусских князей сделало правильный исторический выбор, они ощутили духовно-нравственную силу за Дмитрием Донским и Сергием Радонежским, сплотились вокруг них, нанесли первое в русской истории поражение татарским полчищам и дали, тем самым, толчок к дальнейшему развитию централизованной российской государственности. Аналогичным образом и современному человечеству предстоит, преодолев межгосударственные и межличностные противоречия, воссоединиться на основе универсального общезначимого принципа справедливости для того, чтобы совместными усилиями бороться с последствиями техногенного кризиса.

Литература

1. О побоище Мамаю, царя татарского, от князя Владимирского и Московского Дмитрия // Неизвестные страницы истории Белой Руси в документах и исследованиях (с древнейших времен до 1569 года) / сост. Н.Н.Малишевского.- Минск: Ильин В.П., 2012.- 736 с.
 2. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского.- Минск: Лучи Софии, 2013.- 272 с.
 3. Задонщина // «Изборник». Сборник произведений литературы древней Руси.- М.: Изд-во «Худож. литература», 1969.- 799 с.
 4. Толстой М.В. Рассказы из истории Русской церкви.- Валаам: Изд. Отдел Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991.- 737 с.
 5. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Том 1.- М.: Наука, 1991.- 704 с.
- 3.5 Уваров Л.В. Жития Святых: идеалы христианства и деяния Преподобного Сергия Радонежского.

1. Светлое нравственное начало.

Древнерусская святость пронизана светлым нравственным началом, которое в конечном итоге характерно для всех народов и во все века. В этом проявляется духовность и всех культур, развивающихся ныне на постсоветском пространстве.